

Переводы и комментарии

**ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ
В БИОЛОГИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА¹**

Станислав Андрески

Редкость войны в природе

Войну можно определить как организованную борьбу между группами лиц одного вида (рода, класса), занимающих отдельные территории. В этом состоит отличие войны от борьбы между отдельными людьми и борьбы между группами, живущими смешанно на одной территории, к которой можно отнести мятежи, революции, беспорядки и т. д.

Существует обычай кровной мести, согласно которому члены клановой или другой кровнородственной группы мстят за смерть своего родственника, убив любого члена группы, к которой принадлежит убийца. Этот обычай порождает формы борьбы, которые зачастую трудно классифицировать. Иногда кровная месть становится причиной настоящих сражений, которые могут рассматриваться как составные элементы войн, но чаще всего она порождает цепь отдельных убийств, не тождественных войне в вышеуказанном смысле слова.

Многие мыслители пытались постичь причины войн. Но прежде чем высказывать разумное мнение по этому вопросу, надо рассмотреть, является ли война универсальным или локальным феноменом, который можно обнаружить только среди определённых народов и на определённых уровнях цивилизации. Кроме того, надо выяснить, существует ли в мире животных аналог человеческих войн.

Животные обычно сражаются друг с другом за обладание самкой. Олень для этой цели использует рога, а копыта применяет для защиты от хищных зверей. Но организованных боев между группами оленей не бывает.

Многие животные сражаются с представителями своего вида ради территорий, которые они занимают, но такие битвы обычно ведутся единичными животными, а не целыми группами. Насилие над жертвой совершается хищником и напоминает поведение охотника, а не войну. Группы социальных животных часто нападают на представителей своего вида необычной формы или цвета. В сопоставлении с человеческим поведением такое насилие наиболее похоже на суд Линча, а не на войну.

Многие социальные животные защищают территорию собственного проживания от конкурентов одного и того же вида. Но это случайные и неорганизованные столкновения, по-

¹ См.: Stanislav A. 1992. Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint. – London: Frank Cass. – Pp. 1–15.

сколькx организованных нападений в животном мире не существует. Наши ближайшие родственники – шимпанзе, гориллы и орангутанги – удивительно миролюбивы. Для поиска действий, подобных войне между людьми, надо обратить внимание на масштаб эволюционных связей.

Например (за редким исключением), муравьи любой колонии участвуют в коллективной борьбе против других, в том числе против особей собственного вида. Поскольку эта борьба идёт по определенным правилам, её вполне можно определить как войну. Например, муравьи тропического рода ацтека (*Azteca*) живут в полых ветвях деревьев. Они образуют скопления сообществ, которые могут долгое время жить в мире, – при условии более или менее одинакового возраста и силы. Но по мере роста дерева равновесие может нарушиться, учитывая непропорциональный рост одного из сообществ ввиду более благоприятных продовольственных ресурсов. В конце концов одно скопление муравьёв пробивает стенку своего гнезда и нападает на соседей. Победённая колония изгоняется из своей территории, а многие её потомки пополняют ряды (и пищевые склады) завоевателя. Подобная борьба обычно происходит в других частях дерева тоже. Так, в цепи битв на уничтожение остаётся только один победитель, который доминирует на всем дереве и ведёт мирное существование до самой смерти дерева.

Но войны муравьёв рода *Azteca* покажутся мелкими по сравнению с действиями фейдоле мегацефала (*Pheidole megacephala*) – маленького жёлтого мирмицинского муравья из Мадагаскара. На протяжении последних 50 лет он колонизировал Старый Свет и большую часть Вост-Индии. Эти муравьи расселялись, прицепившись к транспортным средствам человека, и уничтожили на своём пути многие явно превосходящие их виды. Однако на протяжении того же времени фейдоле был уничтожен во многих местах «аргентинскими» муравьями *Iredomyoma humilis* – хрупкими и безоружными. Оба указанных вида побеждали с помощью превосходства в организации и масштабах нападения. Такое превосходство способствовало победе над хорошо вооружёнными, но слабо организованными колониями гораздо более крупных особей.

Конечно, степень сложности муравьиных сообществ превышает уровень первобытных человеческих обществ и в большей степени похоже на средние уровни социальной эволюции. Этот факт подталкивает к выводу: взаимосвязь войны и сложной социальной организации не случайна.

Что касается истории человеческого общества, то на этот счёт почти не существует причин для спора: все государства с письменной историей вели войны – большинство из них практически непрерывно. Древнее царство Древнего Египта представляется самым мирным государством из когда-либо существовавших, хотя это можно объяснить недостаточным количеством сохранившихся хроник. Однако вполне вероятно, что это впечатление не является ложным, потому что Египет был первым крупным государством, у которого на протяжении длительного времени не было никаких конкурентов. Писцы могли считать перестрелки с окружающими племенами слишком тривиальными, чтобы их стоило записывать. С другой стороны, имеются убедительные доказательства затяжной войны в процессе объединения Египта. В любом случае во втором тысячелетии до н. э. Египет был завоёван гиксосами. Возникшее после их изгнания Новое царство было гораздо более воинственным, чем Древнее. Даже если Древнее царство было менее воинственным по сравнению с другими государствами, оно не является исключением из правила: все государства вели войны. У других государств записей о прошедших войнах тоже немало. Действительно, зачастую в исторические хроники записывали именно войны. Поэтому история всегда начиналась с рассказов о боевых подвигах, чтобы увековечить славу своих господ.

В этом отношении история вполне однозначна. Но все же некоторые мыслители искали утешения и надежды в идее: война – сравнительно недавнее изобретение, оно не старше письменной истории, а доисторический человек был мирным. Как правило, образ дикаря колебался между представлениями Гоббса о первобытной свирепости и Руссо о предвечной покладистости человека. Прежнее поколение антропологов создало образ, который дал толчок вере в миролюбие первобытного человека. Но этот образ состоит не столько из аргументов, сколько из отсутствия в нем войны как предмета анализа. Например, в стандартных учебниках и трактатах по общей антропологии нет глав о войне². В «Справочнике по антропологии» [Source Books... 1959–1968] лишь четверть тома посвящена войне, без всяких оснований связанной с обсуждением темы закона. В «Примечаниях и вопросах по антропологии» [Notes and Queries... 1951] для руководства полевых исследователей нет раздела, включающего тему войны. Это вызывает впечатление, что авторы просто не хотят слышать о войне. Данное упущение частично оправданно: последние поколения антропологов изучали племена, которые на протяжении многих десятилетий (иногда более века) жили в условиях колониального правления. Такое правление не запрещало большинство обычаев, но сразу пресекало племенные войны, едва они возникали. Большинство антропологов полагало своей задачей описание того, что они видели. Поэтому они мало что могли сказать о войне. В результате обзорные монографии, основанные на последних полевых исследованиях, не обращаются к интересующей нас теме. Объектом их интереса служат племена, зависимые от колониальной власти и неспособные сражаться друг с другом.

Более полная картина первобытных войн содержится в «Эволюции войн» Мориса Дэйви [Davie 1929], основанной на более ранних полевых исследованиях, проведенных тогда, когда военный опыт ещё оставался в памяти некоторых соплеменников. Самым глубоким исследованием войн между народами является «*Ontstaan en Eerste Ontwikkeling van den Oorlog*» [Van der Bij 1929] («Возникновение и раннее развитие войн») Т.С. ван дер Биджа (Гронинген, 1929), в котором собрана разрозненная информация о временах первых контактов с европейцами. Ещё в начале XX века автор пришел к выводу, что «никакой новый первоисточник не может объяснить проблему первобытных войн». Он был прав в своих наблюдениях. Единственная новая информация о фактах появилась в результате изучения устной истории и литературы – рассказов, переданных бардами. Пространственный обзор работы ван дер Биджа «*De Vredelievendheid der Laagste Volksstammen*» («Пацифизм самых примитивных племён») содержится в книге более известного голландского учёного Рудольфа С. Штейнмеца³. Он не согласен с выводом ван дер Биджа о том, что примитивные народы менее агрессивны, чем развитые. Во многом этот спор зависит от того, что подразумевается под «мирным» и «агрессивным». Поэтому спор частично является спором о словах. Похоже, что в целом ван дер Бидж прав: самые простые известные народы жили маленькими группами; у них были самые примитивные инструменты и оружие; они были менее склонны развязывать и энергично вести войны по сравнению с народами с более сложной культурой. Этот вывод также согласуется со статистическим обзором этнографических данных Л.Т. Хобхауза и др. [Hobhouse, Ginsberg, Wheeler 1911]

Но прежде чем затрагивать дела доисторических предков сделаем две оговорки: 1. Упоминаемые в письменных источниках первобытные люди жили в неблагоприятных условиях окружения более могущественных соседей. И потому не хотели нападать на них, что ещё ничего не говорит о склонностях первобытных людей. 2. Они были вытеснены в худшую среду обитания другими людьми – лучшими воинами. Поэтому вполне вероятно, что предки ны-

² Это касается, например: Lowie 1921; Goldenweiser 1937; Firth 1951; Piddington 1950; Kroeber 1950.

³ Обзор работы Т.С. ван дер Биджа Рудольфа С. Штейнмеца «*De Vredelievendheid der Laagste Volksstammen*» был переиздан в 3-м томе собрания его сочинений: Steinmetz 1935.

нешних более продвинутых народов были более воинственными или просто лучше воевали по сравнению с народами, оказавшимися на том же культурном уровне гораздо позже. Во всяком случае, ни один из упомянутых авторов не утверждает, что самые примитивные народы не вели войн, а лишь то, что их войны были намного менее жестокими и происходили реже, чем войны больших племён.

За всю историю и предысторию лишь один народ – эскимосы Заполярья – никогда не воевал. Причина не сводится к отличиям эскимосов от всех остальных людей. Она состоит в том, что эскимосы живут изолированными семьями, и потому никогда не могут собраться вместе в таком количестве, которое нужно для начала организованных сражений. Все остальные группы, о которых сохранились письменные свидетельства, участвовали в войнах, хотя бы просто для защиты от атакующей стороны.

Находки доисторических оружий и расколотых топорами и камнями черепов указывают на то, что война имела место уже с очень ранних времён. Судя по останкам, в доисторические эпохи вооружённые столкновения между соперничающими группами охотников и собирателей должны были быть широко распространённым и даже заурядным делом. Многие ранние сообщества воздавали почести войне и считали храбрость и умение сражаться наиболее благородными человеческими добродетелями. Например, у норманнов загробный мир представлен как место вечных сражений. Там раны заживают сами по себе и даже «мёртвые» воскресают сразу, чтобы опять вступить в сражение.

Вполне вероятно, что частота войн возросла по мере появления эффективного оружия и эффективной тактики ведения сражений, одновременно с ростом потребности населения в ресурсах и количества движимого богатства. Такое богатство в виде стад было особенно важно для кочевых скотоводов.

Беглый обзор этнографических данных обнаруживает всю пустоту «тайн» достижения мира, предлагаемых анархистами и людьми, которые называют себя «экологами» (сводя к абсурду это вполне достойное дело). Они полагают, что децентрализация и малочисленность групп влекут за собой миролюбие. К сожалению, нет никакой гарантии того, что мировое правительство в качестве противоположного средства сможет обеспечить мир, поскольку история зафиксировала множество гражданских войн, зачастую более смертоносных, чем большинство международных конфликтов. В гражданской войне может быть задействовано даже атомное оружие. Например, в американской гражданской войне погибло больше людей, чем в любой другой войне между Наполеоновскими войнами и Первой мировой войной. Во время гражданской войны в Испании погибло больше испанцев, чем британцев во время Второй мировой войны. Нет никаких оснований полагать, что любой тип мирового правительства сможет обеспечить мир во всем мире.

Повсеместное распространение войн привело к тому, что многие мыслители (включая известных психологов Пьера Бове и Уильяма Макдугалла) считали инстинкт главным постулатом, ступая по следам древней традиции о жестокой и порочной природе человека. Однако лишь немногие авторы зашли столь далеко, как Леонардо да Винчи, согласно которому «звери убивают, чтобы жить, а люди живут, чтобы убивать». Вполне очевидно, что у мужчин отсутствуют генетически унаследованные ограничения на убийство своих братьев (по аналогии с теми, которые мешают волкам и львам убивать друг друга). Но все же есть веские причины для сомнения в наличии инстинкта, который (подобно жажде, голоду, общительности и хладнокровию) может вызвать желание убивать других людей. Первый аргумент против указанного постулата гласит: несмотря на повсеместное распространение войн, они все же не происходят с той же регулярностью, которую следует ожидать, если бы они зависели от инстинкта. Зачастую страна пребывает в состоянии мира на протяжении целого поколения. Но крайне маловероятно существование инстинкта (как генетически передаваемой и практи-

чески универсальной склонности), который может отсутствовать у целого поколения. Во вторых, войны между государствами велись в основном специализированными, часто очень небольшими слоями населения. Отсюда следует, что если бы готовность сражаться на войне была обусловлена генетически передаваемой склонностью (инстинктом драки, как её называет Макдугалл, или боевыми способностями, как её называет Бове), то такие гены были бы присущи лишь небольшой доле мужчин, которые в ней принимали участие. Это можно допустить в отношении склонностей (например, к музыке или математике), которые, видимо, имеют генетический компонент, но проявляются лишь у меньшинства. И все же было бы странно использовать один и тот же термин к редко встречаемой склонности (даже если генетически передаётся), и склонностям, которые настолько универсальны, что отклонение от них считается ненормальным.

Если бы войны происходили в силу генетически передаваемых склонностей меньшинства мужчин, можно было бы прийти к ряду теоретических и практических выводов, которые радикально отличаются от тех, что следуют из заключения: все люди обладают такими склонностями. Первая точка зрения вытекает из общеизвестного факта: степень агрессивности мужчин крайне различна. Однако такие различия могут быть связаны как с влиянием внешней среды, так и с наследственностью. К тому же связь между личной агрессивностью и готовностью участвовать в войне весьма косвенная.

Все армии применяют наказания и награды для того, чтобы побудить мужчин сражаться. Это было бы излишним, если бы у мужчин желание сражаться было врождённым. Ни одно общество не считает нужным побуждать людей к желанию есть, общаться и совокупляться. Расстрел, розги, протаскивание под килем и прочие жестокие наказания предназначались для тех, кто пытался избежать боя. Доблесть награждалась престижем, наградами, восхищением и нередко богатством. В качестве стимула часто использовались перспективы сексуального удовлетворения. Например, у галлов Африканского Рога мужчина не мог жениться до тех пор, пока не приносил отрезанные гениталии врага. Король зулусов Шака распределял жён среди своих воинов по их заслугам на поле битвы: у героев их было много, у трусов – ни одной. Во многих индейских племенах мужчин, не желающих воевать, лишали доступа к женщинам, заставляли одеваться как женщины и поселяли в той части деревни, которая предназначалась для гомосексуалистов. Низкий статус женщин в большинстве обществ – это механизм, который помогает привить мужчинам желание сражаться, вызывая у них страх стать женоподобным.

С другой стороны, если бы люди обладали врождённым запретом убивать себе подобных (по аналогии с тем, который есть у многих животных), войны были бы вообще исключены; но отсутствие такого генетически обусловленного запрета не означает наличия всеобщего желания убивать. Для ведения войны требуется определённая эластичность поведения, которая позволяет мужчинам совершать убийства. Но даже при признании изначальной агрессивности мужчин эту склонность вполне можно обуздать с помощью несмертоносных боев. Есть и другие опровержения любого полагания инстинкта главной детерминантой войны.

Первый аргумент является дедуктивным: врождённая склонность убивать себе подобных делает любой вид нежизнеспособным. У каждого взрослого человека было множество возможностей безнаказанно убивать другого; и если бы значительная часть населения использовала такие возможности, то уровень убийств поднялся бы на такую высоту, что население вымерло бы через несколько поколений. Можно возразить, что этот аргумент применим лишь к поведению отдельных индивидов, но не к коллективным конфликтам, когда люди стремятся убивать только врагов, защищая и помогая членам своей группы. Это правда, но если бы воины (особенно победители) всегда убивали всех, кого они могли убить, человечество вымерло бы вскоре после превращения такой привычки во всеобщую. На самом

деле почти не было войн, которые заканчивались полным истреблением побеждённых; и хотя немало найдётся примеров сокращения численности и полного вымирания побеждённых народов и рас, такие процессы протекают намного медленнее и происходят реже, чем это было бы, если бы большинство актов коллективной агрессии сводилось к стремлению убивать, а не грабить, порабощать или просто унижать и покорять. Поэтому закономерен вывод: несмотря на бесчисленные войны, выживание человечества доказывает, что мужчины (хотя они способны совершать убийства в качестве средства для достижения других целей) обычно не руководствуются желанием убивать другого ради убийства.

Помимо приведённого абстрактного аргумента, указанная точка зрения подтверждается достоверными свидетельствами о чувствах солдат на поле битвы: наиболее распространённой эмоцией является страх, а не некий тип кровожадности. Если солдат воодушевлён чувством чести или долга, он может преодолеть страх. Но никакого инстинкта агрессии как мотивировки храбрости не существует. Напротив, чтобы стать хорошим солдатом требуется послушание.

Структурная организация деятельности позволяет лицам, принимающим решение об агрессии, избегать физического участия в ней. Одновременно те, кого заставляют совершать насилие, могут не испытывать чувства агрессии. При иерархической организации общества направление и форма коллективных действий будут зависеть от выбора тех, кто занимает высшие посты. Следовательно, группы населения, которые обладают средним уровнем склонности к боевым действиям, могут демонстрировать резкие различия в коллективной агрессивности в зависимости от степени агрессивности властвующих лиц.

Есть немало примеров того, что лидеры более миролюбивы по сравнению с ведомыми, но в целом власть обычно попадает в руки тех, кто жаждет власти и, вероятно, агрессивнее по сравнению с большинством. Война усиливает эту тенденцию, поскольку для ее ведения требуются воинственные лидеры, готовые к военным приключениям. К тому же они склонны переносить собственную воинственность на решение внутренних дел и злоупотреблять властью ради усугубления внутренних конфликтов – в каждой фракции преобладает тенденция склонять выбор лидерства в пользу более агрессивных индивидов, способных инициировать воинственную внешнюю политику.

Структура организации обуславливает возможность разделения между решением о применении насилия и физическим актом насилия. Общее развитие умственных способностей вызывает множество мотивов агрессии, которые имеют мало общего с инстинктивной агрессивностью (например, решение атаковать для предотвращения нападения в менее благоприятных обстоятельствах). Даже обычная наступательная война ведётся не ради удовольствия сражаться, а как средство достижения других целей – повышение мощи, славы, безопасности, богатства за счёт других людей.

Осознание того, что жизнь можно облегчить путём эксплуатации других людей, наряду с изобретением различных способов достижения этой цели, образует важный шаг в культурной эволюции. Это привело в действие мощные мотивы агрессии, которые не имеют ничего общего со стихийным и непредсказуемым животным порывом. Кроме того, изобретение личных имён и концепции славы позволило мужчинам испытывать ненасытную тягу к ней, создавая новые специфически человеческие мотивы агрессии.

Не менее важным шагом было изобретение оружия. Оно не только изменило характер боевых действий по причине повышения вероятности совершения убийства (даже если оружие не было специально предназначено для этого), но и благодаря появлению расчётливых причин убийства. Если вы однажды одолели врага и у вас есть оружие, то его можно одолеть снова в любое время, поскольку у невооружённого человека мало шансов застать более силь-

ного противника врасплох. Но если у врага есть смертоносное оружие, то его убийство становится единственным способом обеспечить вашу победу.

Применение оружия определило и вызвало другие решающие повороты в эволюции человека. После устранения хищных животных как основного препятствия для роста численности человеческого рода другим препятствием стало жизненное пространство других людей. Правда, если бы люди оставались неспособными убивать представителей собственного вида по образцу множества животных, они скорее бы голодали, чем вступали бы в борьбу ради убийства друг друга. Но с учётом приспособляемости человеческой природы война как будто сама себя нашла, едва нашим предкам стало ясно, что они могут прокормить себя и детей, если изгонят чужих из охотничьих угодий или источников воды. Другими словами, с учётом приспособляемости человеческого вида тенденция превышения рождаемости над смертностью (по иной причине, чем взаимное убийство), оказалась необходимым и достаточным условием войны как постоянного свойства социальной жизни.

Кроме того, войну невозможно объяснить существованием суверенных государств, потому что гражданские войны наглядно демонстрируют, что одного правительства недостаточно для предотвращения боевых действий. С другой стороны, давление населения на ресурсы была не менее распространённым явлением в истории человечества, чем все формы организованной смертельной борьбы, или при их отсутствии во всех случаях сочетания внутреннего и внешнего мира. Утверждение о том, что повсеместный характер войн связан с неспособностью природных ресурсов обеспечить быстрый рост народонаселения, не означает, что данный фактор был непосредственной причиной каждого отдельного случая войны.

Для повышения строгости рассуждения проведём аналогию. Каждый, кто дожил до определённого возраста, вступает в фазу старости. Этот факт говорит о том, что каждый в конечном итоге умирает. Утверждение, что старение является причиной смертности мужчин, остаётся верным, даже если незначительное меньшинство умирает только от старости. Точно так же утверждение о том, что стремление к росту численности населения быстрее роста ресурсов ведёт к неизбежности войн, ни в коем случае не лишает законной силы тот факт, что многие войны возникли не по этой причине. Большинство критических стрел в отношении демографической теории конфликта основаны на элементарной логической ошибке представления: утверждение «*A подразумевает B*» становится недействительным, если мы обнаружим, что *B* произошло без *A*. Поэтому вполне возможно предположение: войны останутся постоянной чертой общественной жизни до тех пор, пока не будет восстановлено демографическое равновесие, отсутствие которого на ранней стадии культурного развития сделало их неизбежными. Этот вывод мог бы помочь в достижении возможного, хотя не гарантированного мира.

Война и биологическая эволюция

Война была необходимым условием зарождения цивилизации и появления человека как биологического типа. Эти два процесса были взаимосвязаны на ранних этапах.

Различия между людьми и обезьянами настолько велики, что, согласно стандартам эволюции, формирование человеческого мозга должно было произойти необычайно быстро. Исходя из предположения, что частота жизнеспособных мутаций осталась прежней, столь примечательное ускорение эволюционного процесса должно было происходить в основном за счёт интенсификации процесса отбора в пользу роста массы «лучшего» мозга. Война стала фактором такой интенсификации.

Большинство палеонтологов и археологов сходятся во мнении, что изобретение первых орудий труда и развитие мозга были параллельными и переплетёнными процессами не только потому, что первое требовало второго, но и потому, что лучший мозг имел бы крайне

ограниченное преимущество в борьбе за существование без орудий. Улучшение способности находить пищу повысило бы количественный рост более приспособленных индивидов. Однако эволюционная тенденция ускорила бы, если бы это преимущество сочеталось с фактором, обеспечивающим быстрое замещение индивидов с менее развитым мозгом более «умными» индивидами. На ранних этапах эволюции человека война должна была способствовать именно тому, чтобы обладатели лучших умов и оружия «умножались» быстрее более глупых конкурентов. Военная практика прото-гоминидов может объяснить исчезновение промежуточных видов между человеком и обезьяной.

Можно предположить, что самый важный шаг в эволюции человечества был сделан тогда, когда определённая разновидность обезьяны научилась владеть палкой и бросать камень с особой эффективностью и приобрела привычку держать подобные предметы всегда готовыми к применению. В этом случае оружие могло быть самой ранней формой собственности. Лучшая самозащита позволяла предкам человека перемещаться по открытым пространствам и использовать среду обитания, с которой их могли изгнать крупные хищники. Опасности со стороны последних и необходимость координированной защиты от более быстрого врага, борьба с которым была крайне трудной, способствовали выживанию и распространению популяций, прежде всего способных к солидарности и мужеству, а также к организованным действиям. Для этого требовалась достаточно развитая речь и интеллект. Без интеллекта было невозможно изобретение и изготовление оружия. Едва эти факторы стали решающими для выживания и дифференцированного умножения людей, была подготовлена почва для развития всех специфически человеческих генетических и культурных характеристик.

Преимущество в высшей организации равносильно преимуществу в более совершенных орудиях труда и войны. Особенно с учётом того, что организации требуются концепции для определения функций, прав, обязанностей и санкций, являющихся более абстрактными и, следовательно, требующими большего напряжения ума, чем использование и изготовление простых инструментов. И хотя организация может принести пользу во всех областях человеческой деятельности, только война является деятельностью, в которой её качество неизбежно становится вопросом жизни или смерти⁴.

Напротив, остаётся не ясно, каковы были биологические последствия войны в исторические времена. Некоторые утверждают, что современная война ухудшила человечество с генетической точки зрения путём отсева наиболее здоровых и идеалистически настроенных молодых людей и умножения их противоположностей. Но это не совсем ясная тема, в которую я не хочу погружаться. Однако роль войны в развитии культуры намного яснее.

Война и эволюция культуры

Ни одно государство не сможет долго просуществовать без мер по преодолению естественного нежелания своих членов столкнуться с опасностью преждевременной смерти на войне. Многие внешне бессмысленные обычаи оказываются крайне необходимыми, если рассматривать их как средство достижения этой цели. Самый наглядный пример – низкий статус женщин, который на промежуточном уровне цивилизации имел явную ценность для выживания. Во-первых, низкий статус женщин устранил препятствия для многоженства, что позволило значительно быстрее пополнять ряды воинов. Во-вторых, помог навязать мужчинам кодекс чести, угрожая понижением до презренного статуса, что вполне очевидно из вы-

⁴ После того, как статья на эту тему была опубликована в журнале *Science* в 1971 году, я получил от Роберта Бигелоу из Новой Зеландии письмо и копию его книги, в которой он приводит аналогичный, но намного более подробный аргумент о решающей важности войны для эволюции человеческого мозга. В качестве зоолога он осуществляет более детальный анализ биологических аспектов [см.: Bigelow 1969].

ражений, используемых для осуждения отсутствия боевых достоинств. Более того, в крупных государствах низкий статус женщин помогает поддерживать дешёвизну сексуальных связей и, следовательно, делает мужчин более мобильными и легкодоступными для отдалённых войн. В-четвёртых, при подчинённом положении женщин понижается их способность протестовать против использования своих сыновей в качестве пушечного мяса.

Наконец, неполноценность женщин в конечном счёте обусловлена их слабостью в бою. Поэтому освящение их низкого положения естественным образом превозносит использование силы. Отсюда следует, что женщины могут достичь высокого статуса только в таком обществе, в котором применение силы для урегулирования разногласий повсеместно осуждается. Отношение к женщинам как к добыче также усилило стимулы к войне; очень распространённым методом вовлечения мужчин в битву было введение зависимости доступа к сексуальному удовольствию от их боевого мастерства. Чтобы иметь возможность жениться вообще, мужчине часто приходилось приносить голову, скальп или половые органы врага (что удачно символизировало демографический баланс, возникающий в результате войны), в то время как число жён определялось числом подобных трофеев.

Ни одно крупное государство не могло выжить без «машины» насилия, способной заставить людей сражаться независимо от их желаний. Одного этого достаточно, чтобы связать распространение авторитарных форм правления с распространением войны. Но не менее важное значение имело преимущество в единстве командования и дисциплины в ведении войны. По этим причинам повсеместное распространение войны привело к тому, что недееспотические формы правления были исключением из правил на протяжении всей истории государств, более крупных по сравнению с племенем. Чтобы появиться и выжить, недееспотичным политическим системам нужна была мера внутреннего и внешнего мира, что исторически весьма проблематично.

Несмотря на крайнюю неприязнь с точки зрения гуманитарного чувства и подобно любому открытию в области изучения человека становится очевидно, что без войны ни технология, ни искусство организации не смогли бы продвинуться столь далеко. Даже другие сферы культуры, включая изобразительное искусство и философию, не могли бы развиваться без войны, поскольку все они требуют значительного населения при одном правительстве, а все подобные образования возникли в результате войны. Что касается исторических хроник, то завоевание и несколько случаев мирного объединения, отмеченных в истории, были вызваны потребностями общей обороны.

Не менее важной была роль войны в навязывании технического прогресса «сопротивляющимся» народам. Не следует думать, что при появлении технических новинок их охотно начнут копировать. Инновации распространяются быстро в процессе свободной имитации лишь в том случае, если они укрепляют или хотя бы не мешают уже существующим ценностям. Это значит, что для распространения инноваций требуется сходство (если не единство) культур. Но любое новшество встречается с ожесточённым сопротивлением, если оно сделано в чужой культуре и требует существенного изменения в обычаях и верованиях. Существует достаточно много исторических данных о неприязни и презрении китайцев, японцев и других азиатов к европейским подходам, которые они в конечном счёте были вынуждены принять вследствие военных поражений. Африканские племена тоже не стремились отказаться от традиций предков, пока не были подчинены с помощью европейского оружия.

Что касается методов организации, то до XIX века почти все инновации были сделаны для достижения военных целей и копировались по причине их полезности в военном деле. На самом же деле роль войны в содействии совершенствованию искусства организации была менее двусмысленной по сравнению с её влиянием на технологии, потому что, стимулируя технологии, война нередко способствует хищничеству и паразитизму, мешающих техниче-

скому прогрессу. Поэтому наиболее распространенным историческим источником застоя было и остаётся разделение общества на паразитических (с экономической точки зрения) воинов и эксплуатируемых работников. Напротив, паразитизм не оказывал столь неблагоприятного воздействия на искусство организации, поскольку невозможно эксплуатировать большое число людей без сложной организации. Действительно, в период между появлением крупных государств и появлением машиностроения основная часть изобретательности людей была посвящена разработке новых способов подчинения и эксплуатации людей, а не природы. В результате вплоть до XIX века организация гражданского производства оставалась на зачаточном уровне по сравнению с огромными машинами принуждения и войны.

Я хотел бы завершить замечанием, которое порождает массу проблем. Суть дела в том, что наличие общего врага помогает поддерживать и даже создавать солидарность и требует совместных усилий. Поэтому на протяжении всей истории война была наиболее эффективным стимулом сплочённости государств и эффективности правительств. Она заставляла правителей проявлять собственные способности и отбирать помощников на основе их личных способностей, а не родственных связей. Это связывало власть с подвластными, а также рядовых граждан друг с другом цепью общих ненавистей и страхов, заставляя их прекращать ссоры и преодолевать праздность. Обычное течение событий всегда вело к тому, что неспособные реагировать на опасности государства погибнут, их правители будут лишены власти или истреблены, а население включено в более эффективные (что не означает этически желательные) системы. Действительно, многие слабости новых постколониальных государств объясняются тем, что им не пришлось предпринимать серьёзных усилий для самозащиты. Не менее спорным является то, что многие проблемы, которые в настоящее время присущи богатым странам, связаны с трудностями в поиске благоприятных условий обеспечения занятости для энергии и агрессивности молодых мужчин, реализации их желания быть в толпе и участвовать в коллективных приключениях, которые в большинстве случаев проявлялись на войне.

Это не означает, что я выступаю за войну или считаю её меньшим злом по сравнению с коррупцией, неэффективностью, беспорядками и наркотиками; но надо понять, что в нашем несовершенном мире все имеет свои недостатки... даже мир.

Перевод с английского А.Г. Акоюн, научная редакция В.П. Макаренко

-
- Bigelow R. 1969. *The Dawn Warriors*. – Boston-Toronto: Little, Brown & Co.
Davie M.R. 1929. *Evolution of War*. – Yale University Press.
Firth R. 1951. *Elements of Social Organisation*. – London.
Goldenweiser A. 1937. *Anthropology*. – New York.
Hobhouse L.T., Ginsberg M., Wheeler C. 1911. *Material Culture and Social Institutions of Simpler Peoples*. – London.
Kroeber A. 1950. *Anthropology*. – New York.
Lowie R.H. 1921. *Primitive Society*. – London.
Notes and Queries... 1951. *Notes and Queries on Anthropology*. – Royal Anthropological Institute.
Piddington R. 1950. *Introduction to Social Anthropology*. – London.
Source Books... 1959–1968. *Source Books in Anthropology*. – American Museum of Natural History.

Steinmetz R.S. 1935. *De Vredelievendheid der Laagste Volksstammen*. – Van der Bij T.S. *Gesamelte Kleinere Schriften zur Ethnologie und Soziologie*. – Groningen.

Van der Bij T.S. 1929. *Ontstaan en Eerste Ontwikkeling van den Oorlog (Emergence and Early Development of War)*. – Groningen.